

Троцкий ЛД.

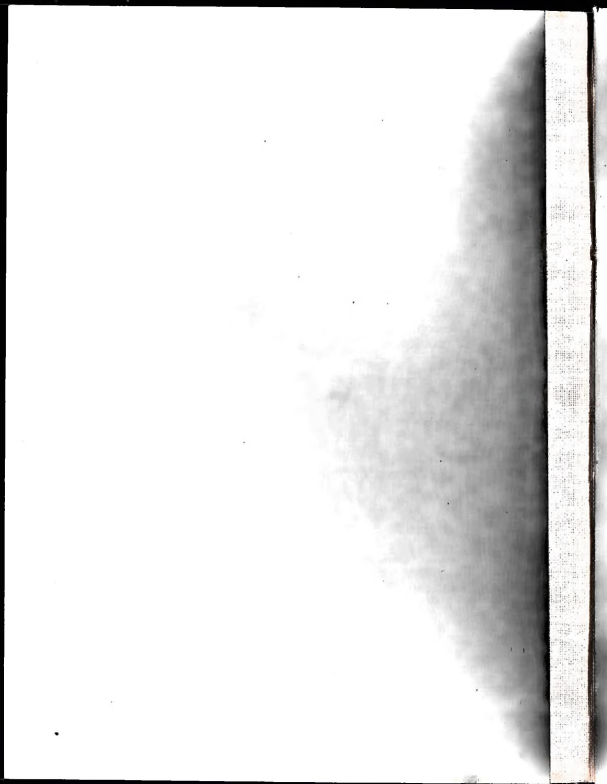
Задачи
Доброхима.

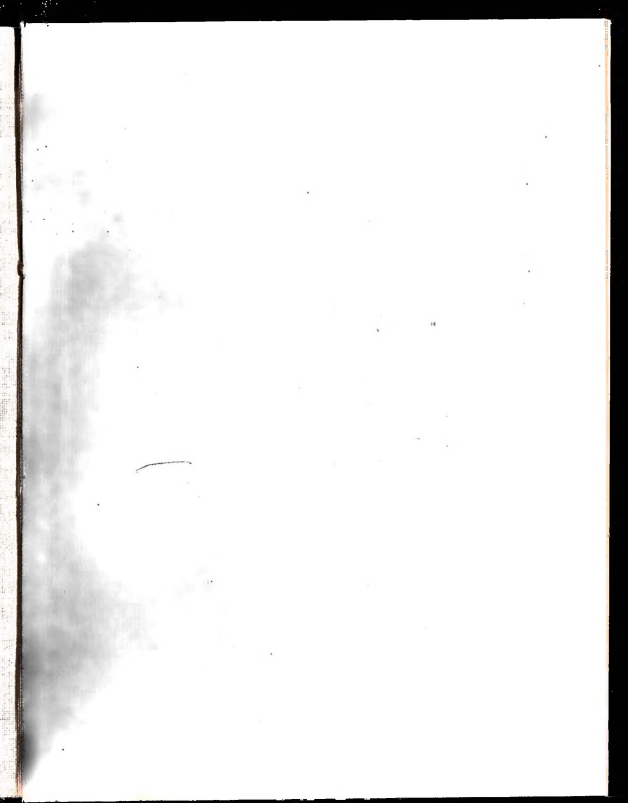
Харьков, 1925.

ИМЛ — Библиотека

ЕНІ71

3261

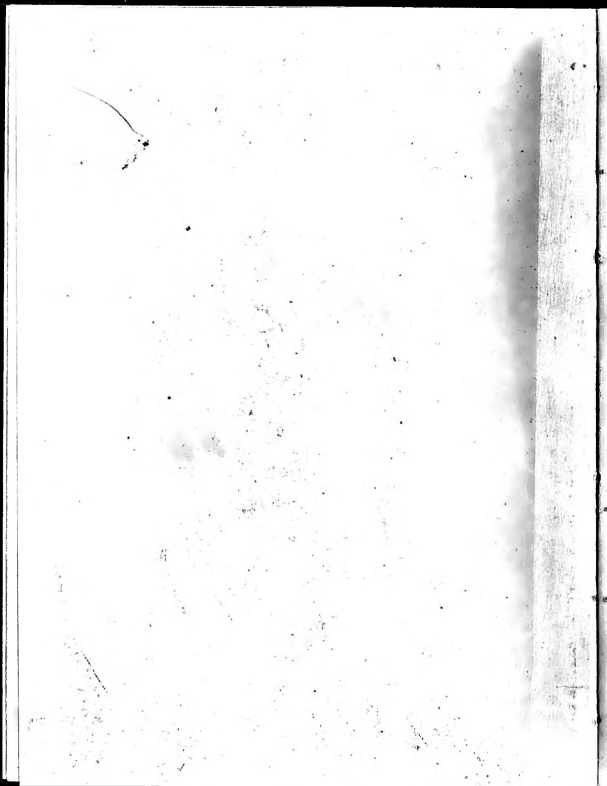
Л. ТРОЦКИЙ

ЗАДАЧИ ДЕБРАХИМА

ЕН171
3261

ИЗДАНИЕ
УКРДЕБРАХИМА
УКРАИНСКЭКАНАМИСТА.

ВСЕУКРАИНСКИЙ СОВЕТ ДОБРОХИМА

Л. Д. ТРОЦКИЙ

X

ЕН 171

3 261

ЗАДАЧИ ДОБРОХИМА

Р е ч ь, произнесенная
19-го мая 1924 г. на Все-
союзном учредительном
собрании Доброхима
в Москве

(12/10 / 21-)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«УКРАИНСКИЙ ЭКОНОМИСТ»
1925

12-7

ЕН171
3261

Типография имени Петровского
Полтавского изд. «Родос Труд»

~~ср~~
~~12053~~ ~~29/11~~
~~36~~ с 1.

1062664

РУП № 1200. Зак. № 375—793. Тираж 15000 экз.

54: 355 (47 — 41) (023) = 9171

Организация Доброхима вполне своевременна.

Товарищи! Настоящее многочисленное собрание созвано по совершенно особому специальному вопросу, по вопросу о химических методах войны и тех задачах, которые вытекают из этих новых способов взаимоистребления людей для нашего Советского Союза.

Можно и должно, прежде всего, спросить себя: своевременно-ли мы поднимаем вопросы химической обороны. Не нужно быть слишком проницательным, чтобы предвидеть, что настоящее собрание будет завтра в печати наших врагов,—а чего-чего, а врагов у нас достаточно,—настоящее собрание будет изображено, как начало нового «дьявольского», «империалистического» замысла Советского Союза против всего остального «гуманного», «цивилизованного», «человеколюбивого» человечества. На этот счет сомнений не может быть.

И признаться, когда был поставлен вопрос о созыве такого многочисленного и авторитетного по составу собрания, я, лично, колебался, предвидя тот отголосок, который это собрание найдет в печати, на собраниях наших врагов.

Но я был утешен тем, что наши недруги успели по этому вопросу сказать почти все, что можно сказать еще прежде, чем мы создали настоящее собрание. Одно из управлений нашего штаба доставило мне в высшей степени интересные выдержки из книжки,

которая появилась на польском языке и издана Варшавским Комитетом противогазовой обороны. Книжка имеет, если не официальный, то официозный характер. Она начинается с напоминания о том, что Вашингтонская конференция в 1922 г. пригласила все цивилизованные народы отказаться от газовой, химической войны. При этом, — Соединенные Штаты сохраняют свой Эджвудский арсенал. Это слово, может быть, не всем известно. Запомните его. *Эджвудскому арсеналу суждено играть не малую роль в судьбах мира.* Так вот, владельцы Эджвудского арсенала, который фабрикует в невиданных ранее количествах и способен выбрасывать отравляющие, удушающие и проч. смертоносные химические вещества, — владельцы этого Эджвудского арсенала в 1922 г., обеспечив себя невиданной и неслыханной фабрикацией отравляющих веществ, обратились к цивилизованному человечеству с предложением отказаться от химической войны. По этому поводу польская агитационная брошюра говорит: «Совість народов — великая вещь, моральная сила громадной важности, но она бессильна против игры материальных интересов и жажды могущества, которую ведут современные государства». Совість народов — великая вещь, но поступать надо так, как если бы ее не было. Вот реалистический и по существу дела для политики правящих классов могущественнейших государств всего мира, безусловно, правильный вывод. Но после того, как сделан вывод о том, что совість народов — «великая вещь», но действовать надо, по возможности, без совести, брошюра переходит,

конечно, к нам с вами и говорит: «Русские вожди заявляют открыто, что договоры их не связывают, что если необходимость заставляет их заключать договоры, то это лишь временные договоры, которые сорвутся с первым дуновением революции и проч.». Таким образом, начинают с того, что совесть народов еще не является фактором, определяющим отношения народов, а кончают тем, что всему виной — русские вожди, а не те, которые создали Эджвудский арсенал; Советский Союз является очагом военно-химической опасности, — вот о чем кричит вся эта книжка, посвященная вопросам военно-химической войны.

Мы не будем напоминать польским вождям договоров и обязательств, которые они заключили недавно, мы не будем напоминать народным демократам тех договоров и соглашений, которые они заключили с царизмом, мы не будем напоминать Пилсудскому тех договоров и соглашений, которые он заключал с Гогенцоллернами и Австро-Венгерской монархией. Останемся в рамках химических средств войны, — и здесь, в этих, нас сегодня интересующих рамках, мы слышим от польских авторов патриотической брошюры по химии: „В русской химической промышленности (руководимой теми самими, которые не признают совести народов) началось чрезвычайное движение; возникают химические тресты, оживляются фабрики, поднимается их производительность. Душою этого оживления являются германские техники. Под общим руководством знаменитого химика Ипатьева и при германской помощи снова организуется химическая промышленность в России“.

Таким образом, товарищи, то, что мы собираемся в целях обороны делать в скромных, отвечающих нашему хозяйственному состоянию размерах, здесь уже провозглашено, как достигнутые нами результаты в гигантских масштабах. Из всей этой цитаты верно только то, что этой работой живейшим образом заинтересован знаменитый химик Ипатьев.

Но что касается германской помощи, признаюсь, товарищи, что мы от нее не отказались бы,—у немцев химия, химическая промышленность в целом была не плохой. Но мы с вами слишком хорошо знаем, что германское правительство пока-что развлекается химической войной против нашего торгпредства вместо того, чтобы хозяйственно сотрудничать в широком масштабе с нами, сочетать германскую технику с нашими естественными богатствами и тем самым обогащать германский народ и давать нам возможность быстрее идти по лестнице хозяйственного развития.

„Угрожаемые в собственном отечестве,—пишет дальше польская брошюра,—обезоруженные у себя дома, германцы готовят к войне и устремляются для этого в глубины России, где их не застигает рука контрольной комиссии“. Это не наша контрольная комиссия, это контрольная комиссия Антанты.

Когда я прочитал эту выдержку из польской книжки, я сказал себе, что *в печати наших соседей, близких и дальних, нам повидимому, нечего терять, так как к этому вряд-ли что можно прибавить*. Можно, правда, сказать, что это—брошюра. Но позволю себе привести цитату из речи польского военного министра

Сикорского, произнесенной на торжественном собрании Лиги Воздушной Обороны государства 24-го марта 1924 г., т. е. полтора месяца назад*). Скажу кратко: в марте месяце этого года, когда у нас увольнение в запас было в полном ходу, он настаивает на том, что мы занимаемся концентрацией своих сил вдоль западной границы. Он говорит: „В области авиации Советская Россия давно нарушила равновесие воздушных сил восточной части Европы, так как благодаря своим колоссальным усилиям за последние два года, она будет обладать весной этого года, не менее, чем двумя тысячами боевых аэропланов. И в третьих, как же при таком положении говорить о разоружении на востоке, которое для того, чтобы служить мирным, а не военным целям, должно быть взаимно“. Что сказать по этому поводу, товарищи? Можно сказать только, что лицемерие продолжает оставаться могущественнейшим фактором политики. Не мы ли предлагали нашим соседям и, прежде всего, Польше сокращение вооружения. Нам ответили, что разоружению материальному должно предшествовать «моральное разоружение». Что такое моральное разоружение? Это какой-то смутный процесс в той самой совести народов, по поводу которой нам объяснили, что это наша ценная материя, но поступать нужно так, как если бы ее вовсе не было. Я не знаю, это ли, или другое соображение руководило польским военным министром Сикорским, когда он заявлял во всеуслышание польскому народу, что

*) Речь тов. Троцкого была произнесена 19-го мая 1924 г.

мы продолжаем концентрироваться вдоль западных границ, т. е. против Польши, что мы нарушаем равновесие сил на востоке, создав воздушный флот в 2.000 боевых самолетов и, наконец, что мы отказываемся от разоружения и сокращения вооружения. Мы напомним только в связи с этим, что если где либо приход к власти пацифистских элементов в Англии и во Франции и встретил недовольство, опасения, так это не у нас. Польская и румынская печать последних дней и недель встревожена тем, что во Франции к власти пришел или приходит левый блок, который, как боятся сторонники «совести народов», не будет с прежней энергией, т. е. с энергией Пуанкаре вооружать и толкать против нас наших ближайших соседей.

Я упомянул о приходе к власти пацифистского правительства в Англии, с приближением его к власти во Франции, может быть даже в Японии, где выборы дали оппозиционное большинство. И здесь опять можно себя спросить: своевременно ли нам ставить перед собой вопросы военно-химической обороны в тот момент, когда Европа и, пожалуй, весь мир стоит под знаком усиления пацифистских и реформистских тенденций?

Товарищи, в двух словах ответим на этот вопрос. Разумеется, мы считаем, что пришествие к власти Макдональда, по сравнению с Керзоном, есть плюс. У нас по Керзону не было пролито ни одной слезы. Отсюда, с этой трибуны, мы накануне 1-го мая выражали пожелания, чтобы Пуанкаре, который оказывал нас по очереди то холодной, то горячей водой, чтобы

он убрал кишку гидропульты. Товарищи, история милостива и она убрала Пуанкаре с его кишкой и, разумеется, не нам об этом жалеть.

Если придет к власти правительство левого блока,—а к этому мы идем,—то, в известном смысле, это будет шагом вперед, и мы это заприходуем, как плюс.

То же в отношении Японии. И, если-бы,—что мало вероятно,—в Соединенных Штатах победила, так называемая «Третья партия», которая группируется вокруг сенатора Лафоллета или его имени, что, впрочем, мало вероятно—то, конечно, и это мы бы записали в приход.

Но мы твердо и ясно знаем одно. В переживаемый нами период империалистической агонии, длительной, но бесспорной агонии, буржуазное общество утерало рулевое управление. Буржуазия уже не способна, стоя твердо на ногах у руля, давать государственному кораблю нужное ей направление. Когда корабль теряет рулевое управление, то бывает, что поочередно он дает ход то вправо, то влево, машина корабля двигается зигзагами, расход топлива и энергии большой. *Буржуазное общество нашей эпохи может управлять собой только лишь давая по очереди ход то вправо, фашистской, то влево — социал демократической, меньшевистской машиной. Оно движется зигзагами, но это движется все тот же корабль буржуазного общества. И когда к власти приходит реформист, меньшевик, то он в самом основном, под другим прикрытием, под другой фразеологией проводит ту же политику, что и фашист.*

А в чем сущность политики капитала в нашу эпоху? Каково главное его орудие?—Милитаризм. И в вопросах милитаризма правительство рабочей партии в Англии, правительство левого блока во Франции, будущее правительство нынешней японской оппозиции, правительство Лафоллета, которое вероятно не скоро придет в Соединенных Штатах,—они в своей политике ничем не будут отличаться от правительств, которым они идут на смену. *В вопросах милитаризации во всех буржуазных странах царит мощный автоматизм, автоматизм изобретений, открытий, автоматизм больших чисел, количеств и масс, и никакое соглашательское правительство Европы, Японии или Америки не посмеет не только приостановить эту адскую работу, но и не нанесет ей какого бы то ни было частичного ущерба.*

Военные бюджеты везде идут своей страшной дорогой; ибо Эджвудский арсенал в Соединенных Штатах Северной Америки—в самой богатой и мощной стране—сегодня способен выбросить значительно больше—и притом ожесточенных из всех отравляющих веществ—чем их выбрасывала вся германская промышленность в момент, когда Германия развернула свою химическую промышленность до пределов. Этот Эджвудский арсенал способен разворачиваться, действуя почти автоматически, а наряду с ним в Соединенных Штатах имеется еще мощная промышленность мирного времени. Мы будем это помнить и скажем пролетариям всей Европы, всего мира, чтобы они почаще обращали свой взор на Эджвудский арсенал.

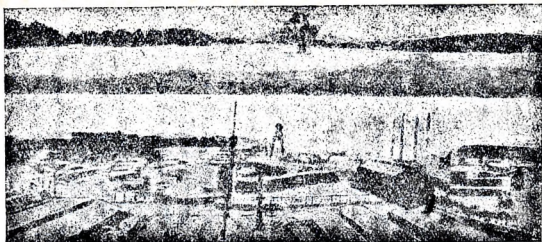

Рис 1.

ЭДЖВУДСКИЙ АРСЕНАЛ БЛИЗ БАЛТИМОРЫ МЭРИЛЕНД, С.-А. С. Ш.

Верхний рисунок—вид местности 24 октября 1917 года; нижний—тот же вид через 9 месяцев, в июле 1918 года. 1 октября того-же года на Эджвудском арсенале работало 233 офицера, 6948 нижних чинов и 3066 вольнонаемных рабочих-специалистов.

Мы подходим к войне трех измерений.

Товарищи, образ войны, какой оставлен нам недавним прошлым, радикально меняется. Мы привыкли к войне в плоскости суши или в плоскости воды. *Мы теперь только подходим к войне трех измерений.* Третье измерение этой войне дается авиацией и военной химией. Авиация в последнюю империалистическую войну только-только показала прорезавшиеся зубы,—химия едва шла в ногу с авиацией. Только к концу империалистической войны, особенно в годы после нашей гражданской войны, в обоих этих областях достигнуты чудовищные успехи. Мы имеем авиацию дальнего действия, самолеты с радиусом действия в 500—600—800 верст, самолеты, которые будут переносить сотни пудов взрывчатых и отравляющих веществ: Когда раньше говорили о войне, то мыслили фронт. В империалистическую войну мы представляли себе фронт, как стену, закопанную в землю: французская печать изо дня в день в годы войны говорила. «Ля мюрай» *). Эта стена запечатлелась у нас в результате позиционной войны.

В гражданской войне мы привыкли к маневрированию. Маневренная война оставила в нашем сознании впечатление линейного фронта, пусть не очень устойчивого, но непрерывного; это фронт линий, которые, прорывают, обходят с фланга, линий, где соприкасаются и намирают друг на друга враждебные армии, защищая своим телом то, что у них за спиной—свой тыл.

*) Слово «стена»—по французски.

Различие между армией и населением уничтожается.

Это понятие фронта ликвидировалось авиацией, помноженной на химию. Эскадры самолетов огромной грузоподъемности и радиуса действия, переносятся в глубокий тыл и уничтожают не только понятие фронта, как чего-то, нанесенного твердой рукой на театр военных действий—они уничтожают вместе с тем различие между армией и населением. Мы говорили не раз, что в нынешней войне воюет не армия, а воюет весь народ. Но тут был элемент метафоры, была возможность художественного обобщения; с торжеством авиации, помноженной на взрывчатые, отравляющие вещества, линия между армией и населением стирается окончательно. Авиация была слаба, пока пользовалась взрывчатыми веществами. Взрывчатые вещества нуждаются в меткости прицела. Действие их одновременно, и поэтому разрушительное действие авиации было ограничено. Но с тех пор, как авиация вооружена отравляющими веществами, действие которых очень длительно, от 2-х до 10-ти и до 20 дней, смотря по характеру территории, в открытом поле, в лесу или в городе,—с того времени, как авиация располагает этим могущественным средством уничтожения, которое распространяется, расползается или расшвыривается в его тончайших частицах, с этого момента точности прицела не нужно. С этого момента действие снарядов, сброшенных с самолета, простирается на ряд часов, на ряд дней. Этим самым разру-

шительная сила умножается на страшную длительность. Уничтожение самолетов, тыла армий, жизненных центров, железнодорожных узлов, баз, важнейших электростанций, заводов, правительственных центров,— вот новая форма войны, которую несет Эджвудский арсенал и его филиальные отделения по всей Европе.

Химическая промышленность мирного времени — база обороны страны.

Есть, товарищи, наивное представление, будто здесь все дело сводится к тому, чтобы иметь в своем распоряжении сильно действующее отравляющее вещество. Отравляющие вещества известны давно, их каталог велик, но *отравляющее вещество становится военным средством только с того момента, как оно производится не фунтами и не пудами, а тысячами, десятками и сотнями тысяч пудов.* Нынешняя война есть война больших чисел и тяжелых масс. Это относится к взрывчатым веществам, это относится к стали, чугуну так же, как и к отравляющим веществам, пулеметам, и к винтовке. Наивно думать, что задача состоит в том, чтобы открыть сильно действующее отравляющее вещество. В этой области у нас есть выдающиеся химики, и мы не отстаем от других стран в познании вещества, которым можно отравлять, обороняться. Но нужно это вещество производить в огромных количествах. Только с этого момента оно становится военным средством. Другими словами, *вопросы военной обороны являются не только и не*

столько вопросами лабораторной научной работы, сколько вопросами промышленности, производства массовых количеств потребного вещества. И вот здесь мы подходим к вопросу о нашей отсталости и нашей бедности, ибо мы с вами знаем, что лгут про нас, к несчастью, когда говорят, что у нас работают могущественнейшие тресты отравляющих веществ. Нет, этого далеко еще нет. А у врагов работают, работают во всем капиталистическом мире, и работают, очевидно, для какой-то цели. Нужно, чтобы каждый гражданин нашего Союза понял, над чем капиталисты работают и какую грозную опасность несут народам, которые ни на кого не покушаются, которые никого не замышляют придушить и подчинить. Какую грозную опасность несут средства военно-химической борьбы! Мы бы взяли на себя непосильную задачу, если бы попытались сегодня же построить у себя военно-химическую промышленность, достаточную для целей обороны,— имею, разумеется, здесь в виду и газы и противогазы, ибо в военном деле всегда средства борьбы имеют парный характер: против морской артиллерии — броня, — против осадной артиллерии — железобетонные крепости, против газа — противогаз и т. д., нужны были-бы гигантские количества. Но к счастью, вопрос так не стоит не только у нас, но и нигде. *Химическая промышленность, служащая целям войны, целиком опирается на химическую промышленность мирного времени.*

Задача состоит в том, чтобы иметь химическую промышленность мирного времени, т. е. такую, которая нам нужна для хозяйства, и чтобы эта промышленность

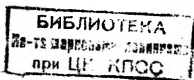
могла, в случае войны, быть милитаризована и давала бы нам необходимое количество отравляющих веществ, газов и противогазов. Мыслимо ли это? Мыслимо вполне. Продукты химической промышленности мирного назначения не только тесно соприкасаются, но и легко переводятся друг в друга при сравнительно небольшом переоборудовании соответственных химических заводов. Нужно иметь перед собой всю клавиатуру химической промышленности, начиная от основных видов химического сырья и кончая сложнейшими химическими продуктами, и нужно, чтобы между элементами химической промышленности мирного времени было необходимое соответствие. В этом задача. Когда мы подошли к мысли о создании общества «Доброхим», мы сказали себе: не надо увлекаться аналогией с ОДВФ*): «Доброхим» будет обществом, организацией другого типа. ОДВФ создан для того, чтобы служить авиации. Кстати, некоторые товарищи с беспокойством спрашивают,—и с основательным, на первый взгляд, беспокойством—не будет ли «Доброхим» чинить задержек развитию ОДВФ? Я упомянул, что авиация только тогда сильна, когда помножается на военную химию. Военной химии нужны крылья; авиации нужны средства массового поражения. Они должны идти рядом. Тут соперничества, конкуренции быть не может. Раз мы вынуждены строить военный воздушный флот и создавать военные химические средства борьбы, то мы должны установить твердый принцип, что *Доброхим ОДВФ—сотрудник и брат.*

*) Общество Друзей Воздушного Флота.

Сотрудник и брат,—но построены они должны быть под разными углами зрения. Одно дело—покупать или строить у себя самолеты для нужд военного и мирного значения, другое дело—создавать химическую промышленность. Вряд ли можно серьезно рассчитывать на то (никто на это не рассчитывает), что мы создадим и разовьем из того, что есть сейчас, внушительную химическую промышленность в нашей стране путем сборов и пожертвований на нужды государственной обороны. Об этом не может быть, разумеется, никакой речи. Сборы и пожертвования могут иметь только вспомогательное значение.

То, что нам нужно, это теснейшим образом увязать нашу военно-химическую промышленность с химической промышленностью мирного назначения

Они тесно соприкасаются, они переходят друг в друга, и нам нужно дать общими усилиями государства и всех организаций и трудящихся масс, толчок плечом нашей химической промышленности, начиная с основных видов химического сырья и кончая сложнейшими медикаментами, взрывчатыми и отравляющими веществами. Если та или другая область, область земледельческая, скажем, нашего юго-востока—сможет и сумеет для нужд сельского хозяйства на юго-востоке (для борьбы с саранчей и сусликом) создать,—а это большой вопрос—химическую лабораторию, поставить на ноги химические заводы или поддержать и развить при тамошнем областном хозяйственном центре эту промышленность, вот будет правильный, вот реалистический путь.

Наша анилиновая промышленность, нужная нам для целей мирного назначения, нужная для нашей текстильной промышленности, у нас очень слаба, — и подтолкнуть развитие анилиновой промышленности — значит обеспечить себя одним из серьезнейших устоев военно-химической промышленности. Нужно иметь перед собой всю эту химическую клавиатуру. И ясно, что после просмотра, если какой-нибудь ноты у нас не хватит, эту ноту можно восполнить.

Только при наличии системы, цепи химических предприятий, дополняющих и обслуживающих друг друга, в грозный час опасности при помощи сравнительно небольшой дополнительной аппаратуры и обученного кадра химиков и работников — мы можем перевести четверть, половину, девять десятых этой работы на военные рельсы. В этом состоит основная задача правительства, промышленности, военного ведомства и трудящихся масс нашей страны.

Химизация общественного мнения трудящихся масс.

Эта задача связана с целым рядом других. Нельзя взять химика, хотя бы и гениального, посадить его в лабораторию и сказать ему: дайте мне в 24 часа сильно действующее отравляющее вещество. Химическая работа — лабораторная и научная, как и всякая вообще научно-изыскательная творческая работа — имеет свою внутреннюю логику, свою преемственность,

свои непрерывные выводы, накапливая опыт и обобщение.

Нам необходимо усилить, оживить работу научно-химической мысли в стране. Нам нужно лучше оборудовать химические лаборатории при наших учебных и научных заведениях и учреждениях. Это опять-таки одна из важнейших задач, и нужно создать каналы между химическими лабораториями и заведениями химической промышленности, чтобы то, что добывается в лаборатории, и то, что нужно, то, что способно нас усилить и укрепить, могло бы быть произведено в больших массах заводами химической промышленности. Вот почему, товарищи, *мы пришли к мысли о необходимости мобилизовать в этой области общественную инициативу трудящихся масс нашего Союза.* Прежде всего — и это есть основной принцип нашей политики во всех трудных задачах — нужно ясно, точно и правдиво сказать трудящимся массам то, что есть; а есть — есть грозная опасность нового оружия войны, которым еще мы почти не научились владеть. И это оружие войны тем сильнее, тем могущественнее, чем больше капиталистический характер имеет страна. Сильнее всего военная химия развита в Соединенных Штатах, затем — во Франции, которая завладела Прирейнскими областями Германии, центрами ее химической промышленности и военно-химических секретов. И хотя мы не без удовольствия ждем пришествия к власти левого блока, но мы знаем, что левый блок не закроет, не потушит ни одной военной химической лаборатории, и что при досрочном

блока снаряды, начиненные ипритом*) и другими отравляющими веществами, будут во Франции расти в той же прогрессии, как и при Пуанкаре. Мы это знаем твердо и мы это должны сказать трудящимся массам нашей страны. Нам нужна военно-химическая пропаганда, как выяснение того, что есть, что может быть. Мы должны развить повышение военно-химического культурного уровня нашей страны. Ибо всякую опасность, помноженную на неподготовленность — мы ясно должны эту опасность назвать ее именем — мы должны постараться, если не вырвать совсем, то во всяком случае уничтожить ее смертоносную силу.

Мы рассчитываем, в первую голову, на всех работников военно-химического и химического дела, начиная от заслуженного ученого в лаборатории и кончая молодым чернорабочим на химическом заводе.

Мы надеемся на учащихся: пусть приналягут они получше на химию, — их знания, их сноровка, их энергия будут нужны Красной армии и стране.

Мы напоминаем железнодорожникам, что пути железных дорог будут путями химической отравы: первые смертоносные снаряды врага падут на узловые станции в тылу обороны по линии железных дорог вообще. И железнодорожник, который в военное время является одним из ответственных работников обороны, должен знать, что такое военная химия, как ее применяют, как от нее обороняются. Военная химия угрожает городам-очагам и сосредоточению культуры.

*Иприт или горчичный газ — отравляющее вещество, вызывает болезненные нарывы на теле.

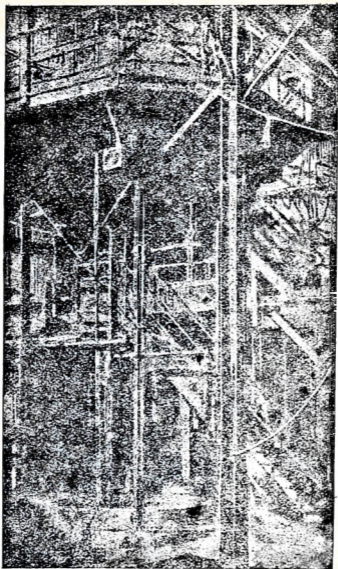

Рис. 2.

РЕАКТОР ЛЕВИНШТЕ

установленный в Эджвудском Ар
горчичного газа. С помощью
способен выпускать до 2400
количество, достаточное

Одним из средств борьбы против военно-химической опасности является создание так называемых газоубежищ и, когда наши строители будут строить (пока еще, к несчастью, мы слишком мало строим) подвалы, склады, туннели, канализацию, они должны подходить к вопросам строительства с точки зрения возможного применения подземных помещений в качестве газоубежищ.

Да, это кажется сейчас фантастическим замыслом, но нам придется в нашем строительстве считаться с вопросами газовой, химической войны. Мы рассчитываем на строителей, мы рассчитываем на их союз.

Нужно ли говорить, что вопросы военной химии теснейшим образом связаны со всеми другими родами войск и со всем другим вооружением и снаряжением, которое армия получает из рук рабочего? Газ нуждается в металлической оболочке; он нуждается в самолете; он нуждается в газомете; он нуждается в пушке.

И здесь рабочие металлисты—и в первую голову рабочие артиллерийских заводов—должны быть подкованы: они должны знать, что химический снаряд, вслед за поражением железнодорожной станции, железнодорожного узла, депо, будет направлен против артиллерийских заводов. Мы обращаемся к хозяйственникам и к пролетариям металлистам и их профсоюзу.

Нужно ли говорить, что мы ждем внимательного отношения к вопросу со стороны Всесоюзного земельного и леса, который связанный имеет там опору в красно-

армейцах — отпусниках, и который имеет своей задачей и обязанностью вопросы военно-химической обороны сделать достоянием крестьянства и, в частности, в голове крестьянина стык между той химией, которая нужна для земледелия, и той химией, которая нужна для обороны мужицкой земли от нападений бывших российских и иных помещиков и капиталистов.

Мы ждем в этой работе военно-химического воспитания населения, помощи, поддержки со стороны учителей города и деревни, ибо задача учителя в деревне поднимать крестьянина во всех областях над его околицей и вводить в его сознание основные вопросы внутренней и внешней политики Союза.

Мы твердо рассчитываем на помощь печати партийной, профессиональной, советской—центральной и местной.

Мы хотели бы рассчитывать на помощь кинематографии, которая, впрочем, сама немножко нуждается в оживляющих химических веществах. Мы надеемся, что кино-съемки будут, наконец, производиться не вот здесь, на этой трибуне—это слишком простое и легкое дело и к тому же мешает ходу собрания,—а что кино-съемка будет иметь глубоко-воспитательный характер в том смысле, что она сможет ярче, выразительнее послужить агитации и пропаганде военно-химического воспитания трудящихся масс, к несчастью, еще у нас в огромном проценте безграмотных; хорошо поставленная картина наглядно продемонстрирует ту опасность, которая исходит и может изойти из Эджвудского

арсенала против Советского Союза или пролетарской революции в Европе.

И, наконец, прежде всего и после всего, разумеется, оборона республики рассчитывает в этой области на партию,—на коммунистов—на коммунаров на местах и в центре—на их энергию, на их неутомимость, на их целеустремленность. Эту задачу, одну из труднейших, мы должны разрешить, и мы ее разрешим. Одну из труднейших, ибо мы бедны, ибо мы отстали, ибо наша промышленность только-только оживает, ибо наша химическая промышленность была слаба всегда. Это наш великий минус.

Наши преимущества.

Но у нас есть и плюсы, в том числе плюсы в области военно-химической обороны. *Первый наш плюс—это наше необъятное пространство.*

Не так легко, даже имея Эджвудский арсенал, отравить Советский союз—он слишком велик! Это первое преимущество; *второе — это национализированный характер нашей промышленности.* Я уже упомянул о том, что во всех странах военная промышленность опирается на промышленность мирного времени. Там промышленность мирного времени в главной своей массе разобщена в руках либо отдельных трестов, либо отдельных предпринимателей, которые зависят от рынка, равняются по рынку. У нас промышленность—в руках государства; оно—хозяин всех предприятий. Поэтому *мы имеем возможность в рамках широкого и гибкого плана уравнивать все звенья химической цепи*

с таким предумышленным расчетом, чтобы в критический момент все эти предприятия давали нам необходимые взрывчатые и отравляющие вещества. Это преимущество, которое мы должны научиться реализовывать.

И, наконец, есть у нас третье преимущество,— это человек, боец.

Вот, мы проводим сейчас включение в ряды армии молодежи, родившейся в 1902 году. Мы им расскажем, что мы организуем общество «Доброхим», задача которого состоит в том, чтобы дать нашему красноармейцу необходимые средства военно-химической обороны в дополнение ко всем другим. Но мы в то же время скажем нашему молодому бойцу, что военно-химический снаряд есть банка или жестянка, начиненная отравительной химической дрянью, мертвой, до тех пор, пока рядом с ней нет смелого и отважного бойца.

В войне решает в последнем счете человек. И в той войне, которою военно-химические арсеналы буржуазии угрожают нам, преимущество человека на нашей стороне. Когда-то Бисмарк, преисполненный гордыни после прусских германских побед, наблюдая, как остальные государства подделывают прусскую военную организацию, прусский генеральный штаб, прусские штаты пехотных и иных частей, сказал: «Все это они могут подделывать, а вот пусть они подделают нашего лейтенанта, прусского лейтенанта». Я думаю, что сейчас мы можем с гораздо большим правом сказать, что *ни буржуазия Европы, ни даже Америки, ни в одном из своих военно-химических арсеналов не сможет*

создать ни нашего красноармейца, ни нашего красного командира. Для этого нужна особенная материя, особенное наше патентованное советское сырье, из которого коммунистическая партия, из которого рабочее государство формирует новый человеческий тип. Наш плюс в том, что у нас нет щели между бойцом и тем классом, который бойца выдвигает, воспитывает и налагает свою печать на государство и на всю общественную жизнь.

Военная химия нам нужна,—мы ее создадим как орудие в руках наших красноармейцев. Мы здесь будем долго слабее наших врагов, мы себе не делаем иллюзий: на быстрые успехи Доброхима рассчитывать нельзя; здесь нужна упорная, систематическая, настойчивая работа изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. В течение долгого времени мы будем слабее наших врагов, но, повторяю, человек, который приводит военную химию в действие, у нас сильнее, ибо он единодушнее, ибо он сплоченнее. Нужен ясный взгляд, не затуманенный предрассудками, нужна гибкая и твердая рука, нужно мужественное сердце и нужна беззаветная преданность делу своего государства. Но на этот счет мы, рабоче-крестьянский Советский Союз, сильнее всех государств, вооруженных своими Эджвудскими арсеналами; вот почему мы с уверенностью глядим на завтрашний день.

Военная химия—самое дьявольское орудие войны

Мы назвали наше общество «Доброхим». Это название состоит из двух частей: одна часть, последняя,

говорит о химии, а первая часть, как будто-бы намекает на доброту. Но мы знаем, что в военной химии нет добра. Это злая химия. Это одно из самых дьявольских средств, изобретенных человеком на истребление человека. И здесь у нас нет и не может быть и тени лицемерия.

Когда я прочитал в одном из наших военно-химических учреждений надпись, что во имя гуманности, или что-то в этом роде, надо развивать военно-химические средства, я, товарищи, почувствовал, как меня покорежило внутри при мысли, что элементы буржуазные, квакерские, лицемерные проникают иногда и к нам.

Нет, мы говорим прямо и открыто, что военная химия именно потому и есть последнее слово техники истребления, что это наиболее мощное средство техники истребления; что военная химия есть самое ужасающее, адское, дьявольское орудие войны, которое само по себе есть воплощение всего варварства, заложенного в истории человека, в классовой природе человеческого общества.

Но, товарищи, мы были бы гуманитарными простаками и ротозеями, если бы мы хоть на минуту забыли о том, что те робкие, слабые зачатки новой общественности и новой—скажем это слово, в наших устах оно звучит без лицемерия, новой гуманности могут быть задушены, растоптаны и уничтожены, если мы не будем твердо стоять на часах.

Непользуем передышку для организации химической обороны страны!

Далее, в одной из записок спрашивается: неужели же нам в ближайшее время настолько грозит война, что мы заговорили о «Доброхиме».

Товарищи и друзья, если бы нам война грозила в ближайшее время, то поздно было бы говорить о «Доброхиме». *История логикой своей игры дает нам сейчас, повидимому, новую передышку.* Это выражается в том, что буржуазия вынуждена выдвигать в большинстве могущественных стран свое левое крыло — социал-демократию, меньшевизм, реформизм; это говорит за то, что не только в ближайшие месяцы, но, может быть, и в ближайшие годы мы будем иметь передышку. Мы ее не нарушим. О нет, не мы ее нарушим. *Мы ее используем до конца для развития хозяйства, для развития культуры, для под'ема благосостояния трудящихся масс нашего союза.* Но вместе с тем мы знаем, что передышки, которые даст себе и нам европейская буржуазия в период своей империалистической агонии, каждый раз будут заканчиваться новыми, все более и более трагическими судорогами и спазмами. Недаром лучшие ученые, лучшие техники Европы и Америки продолжают сейчас, под покровом этой соглашательской полосы, творить наиболее смертоносное орудие убийства. *Мы знаем, что соглашательство, временное, внешнее замирение европейских государств, есть только политическая алхимия.*

Эта политическая алхимия есть нуль перед той реальной убийственной химией, которую буржуазия создает в своих арсеналах. Вот почему нам нужно этот промежуток, эту передышку, которую мы вырвали из истории, или которую мы получили ее милостью, использовать для того, чтобы поднять наше хозяйство с того угла, который и обеспечивает нашу оборону.

Работа „Доброхима“ тесно связана с фронтом просвещения.

Если-бы, расходясь отсюда, мы думали, что дело будет разрешено и исчерпано путем ряда собраний, ряда статей и, может быть, некоторой мобилизации денежных сумм—это было бы крупнейшим заблуждением. *Задача, к которой мы приступили, требует долгой, упорной работы.* Немцы называют вспышки страстей энергии—соломенным огнем. Соломенный огонь есть тоже химический процесс. Но «Доброхим» должен быть создан не по образцу и подобию соломенного огня, который вспыхивает и потухает. Нам нужна долгая, упорная, настойчивая и систематическая работа. И тем товарищам, работающим в области просвещения, которые писали мне в записках о своих сомнениях, я скажу, что *работа, к которой мы приступили, теснейшим образом связана с фронтом просвещения. В конце-то концов главная работа которая из этого зала пойдет, будет направлена на то, чтобы элементарнейшие начатки химии сделать, впервые, достоянием самых широких масс.*

Я говорил на губернском съезде профсоюзов химиков, что ни в чем наша некультурность, наша отсталость, наше варварство не выражаются так ярко, как в том, что самое слово «химик» имеет у отсталых масс крестьянства поносное, оскорбительное значение. «Химик» — это пролаза, тот человек, кто обманывает. Вот как понимает крестьянин химика. Почему? Потому что у него в руках какие-то таинственные громы и молнии, он владеет знаниями, которыми не владеет крестьянин, которыми не владеет трудовой, сплошь и рядом неграмотный, человек. *Мы должны поднять уважение к химии, дать понять, что химия — это область знания, область сочетания и расчленения вещества на потребу человека.* Прав был академик Ипатьев, когда говорил, что человечество в прошлом училось из под палки войны. Факт оскорбительный, может быть, для достоинства человечества, но это было именно так; для того, чтобы толкать это классовое человечество вперед, заставлять его вгрызаться в природу, открывать ее тайны, комбинировать их и сочетать — для этого история воспользовалась страшной войной. Поскольку мы с вами из этого варварства не вышли, постольку угроза химического истребления заставляет нас ближе подойти к химии, к ее тайнам, к ее законам, и, вероятно, здесь, в этом зале я не единственный, кто под влиянием давления военно-химической опасности ближе подошел к химической книжке, заглянул, прочитал в ней... *И это будет шаг вперед в развитии нашей культуры, в развитии нашего хозяйственно-промышленного*

творчества, если мы под влиянием потребности войны толкнем вперед дело химического просвещения страны.

И если мы, товарищи, открыто, без того, что лицемеры называют «совестью» народа — ребром ставим задачу химической обороны, то это именно потому, что мы вдохновляемся тем обществом, которое мы предвидим, потому что мы знаем, что за злом, за дьявольской адской химией придет химия добрая и благодетельная, которая прах земной и воздух превратит во все, что нужно на потребу человека, которая его раскрепостит, которая освободит его силы, его физическую и нравственную энергию для просвещения, для наслаждения, для счастья... И когда мы говорим об иприте, о фосгене и дифосгене и других отравляющих и удушливых газах, — то мы этими газами хотим защитить, оградить подступы к новому обществу, которое будет состоять из нового, более счастливого, более гуманного человека. Если кто имеет право на жестокость, то это мы, ибо в наших руках она служит для поправления жестокости, для того, чтобы очистить человечество от классового рабства и обеспечить ему, наконец, полную свободу. У нас химия и авиация будут сочетаться с добротой не в силу нашего советского словосложения, а по самому существу, ибо они будут служить делу добра и счастья человека.

Издательство „Украинский Экономист“

Главная Контора: Харьков, площадь Тевелева, 3.
Книжн. склад: Харьков, Спартаковский пер., 6.
— Телефоны: 11-48, 13-67, 13-68, 13-74. —

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ БРОШЮРЫ:

«Что делать ячейке Доброхима».

Цена 3 коп.

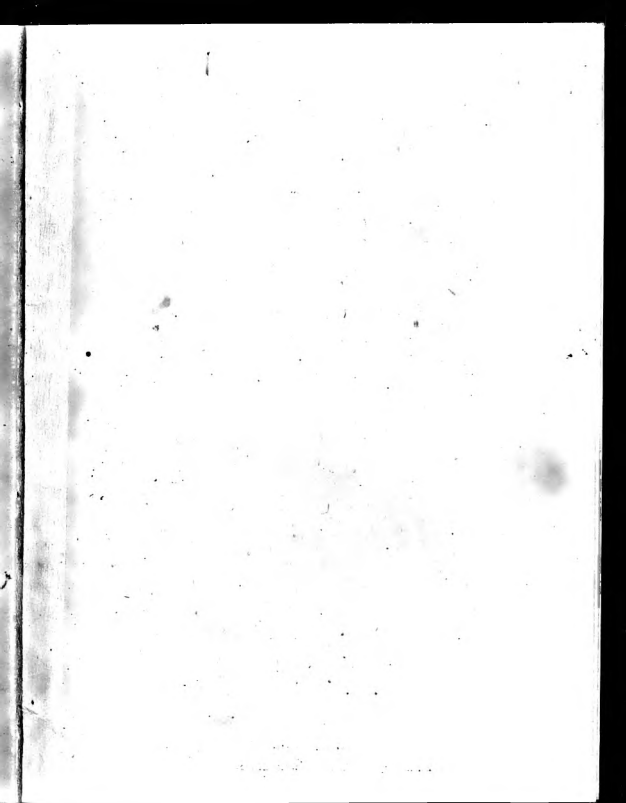
Л. Д. Троцкий: «Задачи Доброхима».

Цена 10 коп.

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫЙДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ БРОШЮРА:

Проф. Е. И. Орлов: Химия в деле восстановления промышленности.

10-коп.

50к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ХАГЬКОВ, ПЛОЩАДЬ ТЕРЕЛОВА, 3.

106

